

Ольга Белохвостова

ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ СИМВОЛОВ «ИНАКОСТИ» В РОССИИ

Целью этой работы является рассмотрение способа формирования и потребления символов «инакости» в России. В первой части мы подробнее остановимся на деятельности законодательной и исполнительной власти по формированию представления о членах иных культурных групп. Вторая часть будет посвящена анализу того, как эти символы потребляются и трансформируются в общественном сознании.

Как утверждают сторонники теории социальной идентичности, человеческое существование невозможно без группы, а ее главная характеристика — это осознание членами единства. Формирование этого единства, выявление общности интересов и понимание того, что в группе их достижение, видимо, произойдет быстрее и в большем объеме, нежели поодиночке, характерно для человечества еще на самых ранних этапах его развития. Речь здесь идет и о совместном проживании на племенной стадии, и о завоевательных походах уже в период становления государственности. Но такое выделение невозможно без сопоставления с кем-то «иным». Другие племена или вражеская армия позволяли сформировать искомое единство. Такие же механизмы работают и в государстве. Его современное понимание появляется только сравнительно недавно и связано с формированием официальных границ. Этот процесс Энтони Гидденс описывает емкой фразой: «frontiers into borders» [Giddens год: 116]. Первое понятие существовало до периода индустриализации. Например, длина рук Юрия Долгорукого, как говорят ученые, определялась именно захваченной территорией. Второе же понятие («borders») — детище современности, оно предполагает четко оформленные политические и административные границы. Кроме этого, по мнению Гидденса, понятие «borders» отличается от «frontiers» еще и тем, что выстраивается психологическая граница, отделяющая один коллективный субъект, называемый нацией, от другого.

Этот коллективный субъект начинает воссоздавать себя и окружающую действительность, определяя границы себя самого. Сопровождается этот процесс индустриализацией, которая ведет, по мнению Эрнеста Геллнера, от производства традиционных вещей к производству символов. Такова особенность современной эпохи. Нация — это только символическое поле, которое выстраивается обществом и поддерживает самоидентификацию ее членов. Это поле формируется

через создание, передачу и усвоение символов «себя» и «других». После распада Советского Союза произошел перелом единого символического поля, что привело к кризису идентичности. Один из способов его воссоздать — сформировать группу «других» и одарить их эмоционально окрашенными характеристиками. Претендентов на такую роль много, но самым популярным, по мнению автора, является группа иммигрантов.

Подтверждением этого может быть общественное мнение, относящееся к иммигрантам настроенно. Проведенный центром Левады в августе 2005 г. социологический опрос [<http://xeno.sova-center.ru/45A2A39/6616C01>] показал, что 59 % респондентов рекомендуют правительству России ограничить приток приезжих.

Кто и зачем производит?

Кто и как формирует представление об иммигрантах? На наш взгляд, речь идет о повторяющейся административной практике и использовании этничности как инструмента политической игры.

Не последнее место в объяснении причин сложной миграционной ситуации в России занимает паспортная система советского образца, процветающая в стране. Главный порок паспортной системы, по мнению А. Осипова, это «жесткая связка между наличием документов, удостоверяющих личность, регистрацией и признаваемым государством "вселением" в конкретное жилое помещение» [Осипов 2004]. Если раскрывать этот тезис, то получится следующая последовательность: чтобы приобрести официальный статус, необходимо зарегистрироваться в определенном месте. Излишне говорить, что иммигранты, как правило, не имеют средств для покупки собственного жилья, а потому вынуждены жить на съемных квартирах. Владельцы квартир не идут на регистрацию арендаторов, так как при регистрации может встать вопрос о собственности. А без прописки паспортно-визовые службы не принимают заявления о регистрации гражданства.

Кроме этого, в России иммиграция попала в область ведения милиции. Смена статуса органа исполнительной власти, занимающегося проблемами миграции с федерального агентства, министерства и снова подведомственного Министерству внутренних дел федерального агентства, красноречиво говорит об отношении к миграционному вопросу в целом. По мнению Владимира Лукина (уполномоченный по правам человека в России), «если мигранты нужны, их надо не просто пригласить, но и обеспечить условия для их проживания, учитывая их культурную приспособляемость». Ведомства, связанные только с МВД, не смогут этого сделать, считает омбудсмен. «Если на военном предприятии что-то начинают делать — получается пулемет. Этим должно заниматься правительство страны. Вопросы миграции — это проблема национальной безопасности, но не в полицейском, а в цивилизационном плане» [http://www.gazeta.ru/2004/12/10/oa_142271.shtml].

Нельзя не оговорить этнизацию («специфический способ осмысле-

ния миграции, а именно — ее освоение в этнических категориях [Ма лахов 2004: 85]) в сознании «людей при исполнении». При всей значимости документов дискриминация все же идет не по принципу: гражданин — не гражданин, а по понятному только принимающему решению критерию «наш» — «не наш». Это приводит к формированию группы так называемых «кавказцев» — граждан РФ, находящихся за рамками закона. Некоторым иностранцам «славянской внешности» получить заветную регистрацию может оказаться гораздо проще.

Другим источником формирования символов «инакости» является политический дискурс. Этот подход поддерживается конструктивистами, которые утверждают, что нация создается некоторыми институтами, которые видятся нам как внешнее обстоятельство деятельности и по этой причине продолжают воспроизводиться. Из этого должно следовать, что существует официальный политический дискурс, который формирует символы «российское™» и «инакости». Сначала мы проанализировали официальную деятельность Государственной думы РФ, основные высказывания представителей некоторых политических партий по вопросу иммиграции в страну.

Мнение правых весьма укладывается в политику экономического либерализма. Они ставят вопрос о паспортной системе, предлагая изменить ее в пользу большей защиты прав и достоинства любого человека независимо от его культурных предпочтений [Баранников 2003]. Методы борьбы с нелегальной миграцией для них заключаются в «приведении в порядок законодательства по вопросам миграции в соответствии с национальными интересами России» [Эйдман 2000]. В предвыборной программе Политической партии «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ», принятой на съезде СПС 8 сентября 2003 г., был сформулирован тезис о том, что «миграция — не обуза, а благо для России» [www.sps.ru].

Если правые делали подобные заявления пять лет назад и оформили свою позицию к выборам, то сейчас эстафету перехватила «Единая Россия» и в 2006 г. обратилась к вопросу иммиграции и к проблемам, связанным с ней. Законодательная деятельность этой партии направлена на сокращение въезда иммигрантов в Россию (квотирование) и ужесточение наказания за нарушение миграционного законодательства «в части усиления ответственности за нарушение порядка привлечения к трудовой деятельности в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства» [<http://www.edinros.ru/news.html7icN116852>]. Несмотря на то, что автор этого материала В. Оськина называет свою статью «Одними запретительными мерами проблему мигрантов не решить», других она не указывает. Наведение «порядка на рынках» и «введение справки об отсутствии тяжелых инфекционных заболеваний, СПИДа, справки из наркодиспансера, справки о том, что мигрант в последние шесть месяцев имел постоянную работу», вряд ли можно считать «более мягким порядком регистрации» [Там же]. В том же духе написана серия статей В. Грызлова и других членов фракции. Все они звучат в унисон с высказываниями президента России В.В. Путина о защите интересов коренных жителей страны.

Защита коренных жителей была основной проблемой и для партии «Родина» во время выборов в Мосгордуму. 26 октября 2005 г. состоялся митинг под недвусмысленным лозунгом: «Москва для москвичей». Апогеем этой предвыборной кампании стал рекламный ролик под названием «Очистим Москву от мусора». За «разжигание межнациональной розни» партия была снята с выборов. Но этот скандал широко обсуждался в прессе и получил огласку. Вопрос здесь заключается в том, с какой целью была совершена подобная провокация. Возможно, представители партии «Родина» нашли благодатную тему, которая не позволит им остаться на обочине политической жизни. Характерно при этом, что общественного порицания этот поступок не получил.

Программные документы КПрФ не касаются вопроса иммиграции. Коммунисты решают, каким путем идти России на новом этапе ее развития. Но 22 мая 2006 г. депутат Государственной думы РФ от фракции КПрФ Николай Езерский высказал свое отношение к обсуждаемому вопросу о депортации иммигрантов. По его мнению, «депортация — это очень накладно для бюджета нашей страны, но она гораздо дешевле, чем лечение наших людей от наркотиков, возмещение ущерба от воровства и прочее. Не секрет, что большая часть таких нарушений совершается не российскими гражданами» [<http://www.electorat.info/news/party/kprf/22-05-2006/20993-0>]. Депутат не указывает свои источники информации, хотя в этом случае такая щепетильность была бы весьма уместной.

Таким образом, мы можем увидеть, что в своих программных документах только СПС затронул вопрос о миграции и четко сформулировал позицию по этому вопросу. Все остальные рассмотренные нами партии не стали прописывать свое мнение. Это приводит к заявлениям отдельных представителей Государственной думы, которые противоречат официальным документам.

Другим источником формирования представлений об иммигрантах является президент. Мы возьмем деятельность только В.В. Путина, по причине того, что за срок его полномочий подход к иммигрантам очень изменился. В начале своей деятельности на посту президента (2000 г.) Владимир Владимирович на заседании Совета Безопасности РФ поставил вопрос о нелегальной иммиграции, где предлагал разобраться с этим понятием [http://www.kremlin.ru/appears/2000/U/29/0000_type63378_59514.shtml]. Но в первый срок эта тема затрагивалась крайне мало. Сейчас у президента сформировалась позиция, которую он сформулировал при ответе на вопросы о причинах ксенофобии в России. «На мой взгляд, это связано со многими факторами, в том числе это связано с достаточно большим притоком иммигрантов и с реакцией местного населения на то, что, по мнению некоторых граждан, Правительство недостаточно делает для того, чтобы защищать их собственные интересы» [www.kremlin.ru].

Законодательные акты федерального уровня прямо декларируют политику мультикультурализма. И хотя этот термин не употребляется, идеи терпимости к другим национальностям прослеживаются:

«Потребность экономики страны в трудовых ресурсах вызовет необходимость притока иммигрантов различных национальностей из государств — участников Содружества Независимых Государств, а это усложнит этническую структуру иммигрантов. Таким образом, воспитание толерантности к людям различных национальностей в целях скорейшего осознания российским обществом его единой гражданской принадлежности становится одной из главных задач государства» [Концепция...].

Еще один источник символической информации — это диаспоры. Они важны для тех самых представителей этнических групп. Такие организации с одной стороны выражают интересы и защищают права иммигрантов, взаимодействуют с политическими партиями, то есть создают демократический климат в стране. С другой стороны, такое объединение может встать на пути ассимиляции. Но власть всегда должна поддерживать отношения с этническими элитами и тем самым иметь точные сведения о лояльности со стороны данной группы.

Самый главный ретранслятор символов — это СМИ, особенно телевидение. Их эффективность давно доказана, а в особых случаях влияние на человеческую психику настолько высоко, что некоторые приемы были запрещены. Например, двадцать пятый кадр. Но даже если запретные приемы не используются, у телевидения существуют иные способы влияния на восприятие. Разрозненность информации используется в тех случаях, когда хотят, чтобы суть события затерялась за лентой новостей. Другой подход прямо противоположный: акцентирование внимания аудитории на тех или иных проблемах.

Примером второго метода может служить ситуация с Грузией. После недавнего инцидента по всем каналам стали показывать сюжеты о «национальных криминальных группировках». Основная идея ясна — формирование негативного образа представителей Грузии. И такой дискурс не прекращается до сих пор. В передачи «К барьеру» (НТВ) от 30.11.2006 Алексей Митрофанов еще раз коснулся этой темы: «Если бы я кое-кого выселял, то уж точно выселил бы. А то еду вечером по Москве, а они все при делах». В начале «грузинской истории» были закрыты два крупных казино в Москве, которые управлялись представителями криминального мира грузинского происхождения. Сама отрасль — казино — уже неоднозначно оценивается людьми. Встает вопрос о том, как сформированный образ воспринимается обществом?

Кто и как потребляет? '/

Не всегда послание воспринимается обществом в его первоначальном виде. Это зависит от способов потребления, полученной информации и от шумов, которые искажают изначальное послание. В нашем случае ситуация осложняется тем, что люди не знают различия между иммигрантами и видимыми меньшинствами, которых называют «чурками» или «черными», но которые вполне могут быть гражданами России.

Для анализа восприятия выбранного нами объекта (образа иммиг-

рантов) был использован метод фокус-группы. Ее результаты подтверждают наше мнение. Участникам группы были предложены фотографии первых лиц государств (в некоторых случаях глав республик России) и членов их администрации для анализа. Для работы была выбрана администрация и бизнесмены, так как строгий деловой костюм не позволяет испытуемым отвлекаться от лиц и не дает подсказку для идентификации. Мы старались использовать в видеопрезентации образы тех политиков, которые мало известны широкой публике, и не ошиблись в выборе. Анализ результатов показал, что правильные ответы бывали крайне редко и были скорее совпадением, чем уверенным овладением реальностью. Задание было разделено на две части. В первой испытуемым были предложены фотографии под номерами, и им предлагалось определить страну. Несколько точных попаданий были обусловлены тем, что представителей Северной Осетии и Чеченской республики относили к России. Из сопоставления со второй частью становится очевидно, что и такое случайное совпадение не знание, а догадка. Во второй части к тем же фотографиям были предложены страны. Участникам следовало соотнести номер картинки и название страны. И хотя в реальной жизни для отнесения человека к той или иной этнической группе не предлагаются страны на выбор, но и с этим заданием участники справились также плохо. Самая большая осознанная узнаваемость была у президента Узбекистана (13 %). Под осознанной узнаваемостью мы имеем в виду ситуацию, когда ответ в первой части и во второй совпал.

Участники не делали различия между приехавшими после распада Советского Союза иммигрантами и гражданами страны. Даже те, кто придерживался позиции «я ничего плохого не думаю о людях другой национальности», часто сбивались на обсуждение чеченцев, которых «много среди моих друзей, и они тоже хорошие люди». Здесь вступает в силу феномен, рассмотренный Балибаром в его статье «Существует ли неонацизм» [2003]. Автор показывает, что такие рассуждения не менее дискриминационны, чем прямые выпады в сторону иммигрантов. Они также направлены на выделение группы по признаку отличной культуры. А если группа выделена, то к ней начинают складываться отношения именно в рамках того, что она группа. Ее начинают наделять общими для всех членов характеристиками. Логика проста: **если** существует некоторая культура, то она чем-то отличается. С этим согласились все участники фокус-группы.

Хотя автор и считает, что не бывает «выраженного азербайджанца» или «грузина», так как во всех странах проживает большое количество этнических групп, их давнее общежитие привело к смешению, что, в свою очередь, не дает возможность выделить «чистокровного» представителя какой-то группы. Но некоторое усредненное представление существует, как кажется с первого взгляда. Во время проведения нашей фокус-группы при ответе на вопрос «Как вы себе представляете "чистокровного еврея" или "чистокровного чеченца"?» были перечислены в основном не физиологические особенности, а внешние

атрибуты: «смешная шапочка», «длинная борода», «кинжал». Редко говорилось о «горбатом носе» и «темных волосах». Причем мнения разделились, у кого должны быть эти внешние показатели.

Другой символ, часто объединенный с иммигрантами, — это преступность. Как мы видели в первой части, мнения на этот счет не однозначны. И хотя официальные рамочные документы указывают на социально-экономические проблемы, которые заставляют прибегать к помощи иммигрантов, даже представители власти не могут уйти от указанной нами связи. Ситуация еще более усугубляется тем, что орган, отвечающий за иммиграцию в стране, находится в рамках Министерства внутренних дел. Если полковник, такой же, как тот, который говорит о количестве убийств и краж, сообщает о ситуации с иммигрантами, в сознании людей выстраиваются очень четкие параллели. Кроме того, в одном органе власти форма отчетности схожа, поэтому мы часто слышим о том сколько «задержано», «оштрафовано», «выдворено». В лучшем случае, получаем цифры о том, сколько «прибыло» — «убыло». Конечно, это не может не влиять на представления людей.

Таким образом, россияне как коллективный субъект в период изменения государственной парадигмы пытаются сформировать у себя образ «других». На эту роль некоторые политики предлагают иммигрантов. Используя этот ресурс в предвыборной гонке, политики либо отражают сложившееся представление об этой группе людей, либо формируют его. На наш взгляд, оба процесса имеют место. Другими субъектами формирования символов «инакости» выступают диаспоры, которые затормаживают ассимиляцию иммигрантов. Известна живучесть China-towns в разных городах мира. Есть арабские кварталы под Парижем и индийские в Лондоне.

Итак, формирование образов идет с двух сторон. А используя предложенные классификаторы и обороты речи («этнические меньшинства», «национальная политика» и др.), мы попадаем в языковую ловушку. И образ, созданный человеком, начинает жить самостоятельной жизнью, влияя на поведение и взаимодействие между группами.

Балибар И. Существует ли неонацизм // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003.

Баранников А. Миграция и гражданство // Правое дело. 2003. № 10 (80).
Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации от 1 марта 2003 года N 256-р.

Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и в институтах: случай России и Германии // Миграция и национальное государство / Под. ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004.

Осипов А. Что в России означает понятие «регулирование миграции»? // Миграция и национальное государство / Под. ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004.

Эйдман И. Незаконная миграция — проблема, требующая решения // Правое дело. 2000. № 13.

Giddens The Nation-state and Violence. P. 116